

СТАНИСЛАВ ВЕНГЛОВСКИЙ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МЕДИЦИНА

РАЗВИТИЕ
РОССИЙСКОГО
ВРАЧЕВАНИЯ

Станислав Антонович Венгловский

Занимательная медицина. Развитие российского врачевания

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24539303

*С. А. Венгловский. Занимательная медицина. Развитие российского
врачевания: Алетейя; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-906910-05-9*

Аннотация

В книге речь ведется о русских медиках. Здесь можно прочесть их полузабытые жизнеописания, начиная еще с основания первых лекарских школ в Москве и в Санкт-Петербурге, а уж тем более с учреждения первого в России Московского университета. Не обойдена также роль и Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

Содержание

Нечто, служащее, вроде бы, вместо недостающего здесь предисловия	5
Глава I. Лекари, подлекари, доктора и истинно русские академики	7
Глава II. Очень необходимые правительственные указы и разного рода распоряжения	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Станислав Венгловский
Занимательная
медицина. Развитие
российского врачевания

© С. А. Венгловский, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Нечто, служащее, вроде бы, вместо недостающего здесь предисловия

Эту книгу позволительно читать по-разному.

Перед глазами тех, весьма любопытствующих читателей, которые раскроют ее на первой же странице, – вся отечественная медицинская наука предстанет перед ними в несколько непривычном для них своем образе и облики.

Те же, которые обратятся непосредственно к тексту ее, сразу же окажутся в центре весьма драматических событий, представляющих для них особый, практический интерес. Из таких эпизодов, по нашему глубокому убеждению, как раз и соткана вся многовековая (да что там мельчить – тысячелетняя даже!) история настоящего медицинского врачевания.

Причем, не только отечественного, но – и всемирного даже...

Эту книгу можно открывать также на любой странице, подвернувшейся под руку. В таком случае – предполагаемому читателю остается на свой страх и риск добираться до ближайшей смысловой «пристани», прямо на ходу знакомясь с весьма интересными фактами и материалами, которые, правда, повествуют, скорее всего, о современном уже состоянии всей медицинской науки.

Предлагаемая книга может оказаться полезной для мно-

гих людей.

Как для тех из читателей, которые посвятили ей, медицинской науке, – чуть ли не всю свою предыдущую жизнь и знают о ней почти все, так и для тех, которые всеми силами стараются держаться как можно подальше от любого врачебного медицинского кабинета.

Первой группе читателей она напомнит о чем-то, давно уже позабытом ими, едва уловимом, лишь слегка осязательном под их чрезвычайно чуткими пальцами...

Второй же – как знать, добавят хотя бы толику определенных теоретических и даже, опять по-нашему же мнению, какую-то толику практических знаний.

Читатели, которые значительно помоложе возрастом, быть может, воскресят живой интерес, опять же применительно только к ним, совершенно для них новому занятию – практическим врачеванием.

И все это, в своей совокупности, пожалуй, – эта книга послужит даже ориентиром в выборе будущей их профессии, которая, возможно, окажется наиболее созвучной с их собственными, индивидуальными устремлениями.

Для каждого из них...

Конкретно.

Глава I. Лекари, подлекари, доктора и истинно русские академики

*...что может собственных Платонов,
И быстрых разумом Невтонов, —
Российская земля рождать!*

М. В. Ломоносов

*Что касается истории, то в Санкт-Петербурге
лучше всего рассматривать ее со стороны... невских
берегов.
Русская поговорка, бытовавшая даже в Санкт-
Петербурге еще с очень давних времен*

Взлет, который обыкновенно всегда и во всем споспешествовал стремительному прогрессу в развитии мировой медицинской науки, который постоянно охватывал ее в ходе спешащего куда-то вперед и вперед XIX века, — естественно, не обошел стороной и наше родное отечество.

Впрочем, вполне возможно и то, что он был подготовлен еще в предыдущем, XVIII веке.

Начнем же с того, что уже царь Петр Великий прекрасно понимал значение медицины в жизни любого человека.

Да что там! Почти каждого обитателя нашей планеты...

Все проблемы ее его царскому величеству поначалу хотелось сосредоточить в руках специальной медицинской кол-

легии.

Царь провозгласил уже, было, создание задуманного им, особого, центрального органа, координирующего все и вся в постепенном, однако – непременно развитии всей медицинской отечественной науки.

Он даже назначил Президента этого, весьма необычно-го, даже экстраординарного органа, однако... что-то такое, невидимое для всех прочих его современников, останавливало всесильного царя.

Быть может, слишком сильное недоумение понимающих все это, чрезвычайно мудрых людей: любая коллегия, мол, должна состоять, по крайней мере, из нескольких, к тому же – вполне соответствующих своему назначению, даже действующих персон!

А останавливало его лишь одно обстоятельство. Ведь не случайно еще античные римляне говорили, что только *tres fiunt collegium* (то есть, не менее трех человек составляют, на самом же деле, какую-то дееспособную коллегия)! Тогда как под царской рукою наличествует всего лишь один доктор медицины, да и тот, – по всей вероятности, – чистейшей воды чужеземец.

И прозвание у него – совершенно какое-то иностранное. Вроде бы – чисто даже немецкого, однако же – с окончанием на латинский лад, вроде бы даже как-то на – *ус*: – Лаврентиус.

Что же с того, что он в настоящее время усек это странное

окончание, переделал фамилию свою на российский пошиб. Называется теперь очень уж просто – Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост...

И что с того, что учился он у самых знаменитых заморских ученых, даже – у наиболее прославленного из них – у голландского анатома Фредерика Рёса (несколько по иному – Рюйша). Что именно коллекция указанного Рюйша, то есть, собрание всяких анатомических курьезов, сиречь – всевозможных уродцев, как раз и была куплена царем Петром во время очередного его путешествия где-то вдали от русских, отечественных границ? И все это произошло – по совету указанного именно господина Блюментроста... Что она послужила даже основой для создания первого в истории нашего отечества русского музея – славной царской Кунсткамеры?

Что с того даже, что сами уроки по анатомии данного господина Рюйша увековечены разными знаменитыми голландскими художниками, для примера, – взять хотя Адриана Баккера или Яна ван Нека!

Среди петербургской публики отыскалось немало даже таких врачей, которые, побывав непосредственно за границей, видели там их картины, а то и беседовали с ними самими, с указанными этими художниками...

И все же, какая здесь может быть коллегия...

Новое учреждение пришлось назвать самодержцу значительно проще – всего лишь Медицинской канцелярией.

Более того. Свое специфическое название это химерич-

ное, во всех отношениях, новообразование носило вплоть до 1763 года, пока не появилась возможность создать в России, действительно, настоящую Медицинскую коллегию...

Правда, и она состояла, в основном, тоже из собранных со всего Божьего света заморских специалистов. Зато – дипломированных, уже настоящих докторов медицинских наук. Несомненно, известных специалистов по всем странам Западной Европы.

* * *

Для организации в государстве правильного медицинского дела царское правительство во все времена не жалело ни сил, ни средств, несмотря на «хапучесть» разных недобросовестных чиновников. Образцом для этого послужили подряд все страны Европы, в которых сам царь перед тем успел хотя бы раз уже побывать.

Но об этом органе, о Медицинской коллегии, – разговор у нас состоится особый. Пусть и значительно позже...

* * *

Одним из важнейших государевых мероприятий в этом плане стало основание на берегах Невы собственного госпиталя.

Однако и это, для многих русских людей чужестранное слово, стали употреблять на землях Руси совсем не в том его понимании, в каком употреблялось оно в странах Западной Европы. Ибо и в этом, особом на Руси учреждении, по первоначальному замыслу его царского величества, пациентами должны были стать отнюдь не только люди военные, но и все, заболевшие какой-нибудь острой болезнью. Да и не только острой.

Все заболевшие. Все подряд.

Подобного рода учреждение, по мысли государственного самодержца, надлежало завести где-нибудь в тихом, весьма спокойном уголке, зато – уж слишком богатом зеленой растительностью.

К тому же – в таком как раз месте, где не ощущалось бы ни малейшего недостатка в спокойной, однако – достаточно проточной воде.

Всем перечисленным здесь условиям, притом – в наибольшей степени, соответствовал правый берег реки Невы, причем – как раз в том самом месте, где от главного русла ее отпочковывается так называемая река – Большая Невка. Своими шустрыми водами обтекает она впоследствии Троицкий, Аптекарский, разные там Каменные острова, а затем – еще целый ряд подобных им, более мелких своих собратьев.

Нынче там как раз и находится Санкт-Петербургская Военно-медицинская академия, готовящая для нашей армии собственные медицинские кадры.

Именно там, в отдалении от еще совершенно недавно заложённого царем города-крепости Санкт-Петербурга, по велению российского императора, и зародился первый в России военно-морской госпиталь.

Как тогда говорили и без устали верили – Адмиралтейская (сиречь – морская) «гошпиталь».

Все это происходило еще в 1715 году.

Вскоре, совсем неподалеку оттуда, а все же – на довольно приличном расстоянии, было открыто также первое в городе общественное русское, православное кладбище. Оно было основано возле церкви Святого Сампсония Странноприимца, воздвигнутой после победы русских над шведами под Полтавой¹.

Само это кладбище было основано с единственной целью: чтобы было где хоронить безвременно умерших покойников.

Да и не только их.

Кладбище это просуществовало вплоть до конца XVIII века. Хоронили на нем не только людей православных, но и всех умерших, всех преставившихся. Всех исключительно. Потому, что по соседству с православным, находилось также кладбище, где хоронили католиков и разных там прочих чужеземцев-лютеран.

А еще, совсем неподалеку оттуда, почти рядом с первым, открыли и другой Генеральный сухопутный госпиталь, пред-

---

¹ Теперь – это величественный Сампсониевский собор. Возле него тоже имеется кладбище.

назначенный, в первую очередь, — для лечения воинов, получивших ранения в сражениях со слишком упрямыми шведами.

Первоначально оба эти государственные учреждения занимали деревянные строения, служившие когда-то просторными казачьими казармами. Однако вскоре они были заменены иными — более капитальными. Кирпичными даже.

Все указанные госпитали, начиная с Санкт-Петербургского генерального сухопутного, а, вернее сказать, — начиная еще с Московского, тоже генерального сухопутного, — мыслились государю не только лечебницами, но и учебными заведениями для подготовки собственных лекарских (врачебных) кадров.

Диктовалось все это первостепенной, общегосударственной пользой.

Дело в том, что первоначальные царские надежды на комплектацию медицинских кадров за счет зарубежных специалистов, — нисколько не оправдали себя.

Наем чужестранцев, во-первых, обходился слишком дорого для российской казны. Да и обладали они, зачастую, какой-то крайне сомнительной подготовкой. Кроме того, приезжие специалисты абсолютно не знали русского, даже разговорного, языка.

К тому же они, и довольно частенько все это наблюдалось за ними, отказывались отправляться в дальние воинские походы...

Первая лекарская школа была открыта в Москве, при тамошнем военном госпитале, еще в 1706 году. Но все же – главное в этом, совершенно новом для России деле, – выпало на долю столичного (с 1711 года) города Санкт-Петербурга.

В госпитальных штатах предписывалось иметь по пять лекарей, по десять подлекарей и по двадцать лекарских учеников (впоследствии число последних, то есть, – лекарских учеников, будущих лекарей, – возросло до целых пяти десятков).

Здесь небезынтересно нам будет остановиться на этимологии самого русского слова «лекарь».

Как ни странно все это может выглядеть, однако в слове «лекарь» – заключено то же самое, первоначальное, значение, что и в слове «врач», хотя оба эти термина претерпели впоследствии весьма существенные изменения, как-то даже в корне преобразившие их первоначальный смысл.

Слово «*врачь*» – древнерусское, по крайней мере, – известное еще с XI века².

---

² Ради этого стоит заглянуть в различные словари, хотя бы в «Историко-этимологический словарь современного русского языка», составленный доктором филологических наук, профессором Московского университета, весьма выдающимся современным ученым Павлом Яковлевичем Черных и еще в 1994 году выпущенным издательством «Русский язык».

В нем, по всей вероятности, содержится давний индоевропейский корень со смыслом «говорить приподнято», «вещать о чем-то слишком торжественно». Со временем – на базе данного корня образовался глагол «врать», – но с уже какой-то, явно негативной, даже – скорее всего, отрицательной окраской.

Первоначально же древнерусское слово «*врачь*» приобрело в народе значение «знахарь», «колдун», «заклинатель». В любом случае – это был человек, который помогал при лечении всех тяжелобольных, увечных, а тем более – раненых своих собственных соплеменников.

Древнерусское имя существительное «*врачь*», в отличие от глагола «врать», закрепилось в русском языке уже в явно положительном смысле. Даже – в каком-то терминологическом своем значении.

Тогда как слово «лекарь» в настоящее время считается каким-то заведомо устарелым, чуть ли даже не диалектным говором. Оно и содержит в себе нечто ущербное, что-то – слишком уж недостаточное, что ли...

Пожалуй, никто сейчас, среди носителей современного русского, а то и просто разговорного языка, – не попросит вызвать к нему лекаря и не посоветует даже обратиться к нему за какой-нибудь лечебной (врачебной) подмогой. Напротив, он тотчас воспользуется помощью всеведущего, дипломированного врача, окончившего какой-нибудь из известнейших медицинских институтов, академий и прочих

высших учебных заведений.

И это притом, что в других славянских языках данное слово является вполне уже современным, употребляемым повсеместно. Примером может служить хотя бы украинское имя существительное *лікар*, затем – такое же польское *lekarz*, или чешское *lekař*.

Все эти примеры позаимствованы нами из современных для нас чисто славянских языков.

Как же так получилось все это?

Откуда взялось у нас слово «лекарь» и что оно могло означать в своем первоначальном значении?

Ученые предполагают, что где-то, еще в очень и очень глубокой древности, нашими предками было позаимствовано какое-то германское слово с корнем *lek-*, восходящее еще к более старинному индоевропейскому значению глагола «собирать». В подкрепление чего и приводится латинский глагол *lego* – «собираю», затем – «читаю» (как бы тоже собирая, или складывая, в одно слово все рассыпанные перед сознанием отдельного человека такие разные по своему значению, буквы).

В одном ряду с ними стоит также древнегреческое старинное слово *λέγω* – «собираю», «сообщаю», «говорю».

В германских же языках из него легко могло развиваться совершенно новое значение – «собирать (лечебные травы)». Отсюда – совсем уже близко и новое значение «подбирать слова для какого-нибудь заговора», то есть, короче говоря, –

просто «лечить».

Древнерусское заимствованное слово *лекарь*, таким образом, стало впоследствии означать почти современное нам – «врачеватель», «врач».

К XVIII веку это значение вырвалось несколько вперед в состязании с похожим на него же еще древнеславянским именем существительным *врачь*. А произошло все это, пожалуй, не без активного воздействия со стороны польского языка, служившего тогда своего рода как бы передаточным звеном в сношениях славянского люда России с прочими странами остальной Западной Европы...

* * *

Потребность в лекарском персонале в России постоянно возрастала. Особенно это ощущалось в армейских рядах, да еще в периоды активных военных кампаний.

А Россия, главным образом, в царствование императрицы Екатерины II, почти и не выходила из состояния непрерывной победоносной войны со своими разнообразными соседями.

Нет ничего удивительного также и в том, что при подготовке собственных врачебных, лекарственных кадров российскому правительству приходилось уделять им постоянное внимание. Особенно же – в сложившихся к той поре чисто армейских условиях.

Учениками в госпитальные школы принимали лишь совершенно свободных молодых людей, независимо от их имущественного положения и национальной принадлежности.

Необходимым препятствием считалось только умение читать и писать по-русски, да еще – непременно знание... какого-то древнего латинского языка.

Можно смело сказать, над главным входом во все госпитальные лекарские школы огненными литерами было выведено неотвратимое изречение: *in via sine lingua latina medicina est*, то есть, – без знания латинского языка – медицина вообще существовать не может. Ни за что.

И это было действительно так.

Не овладев латынью, всем жителям европейского континента, или даже всего материка, никак нельзя было отправляться в плавание по безграничному морю обширных теоретических знаний, которое представляла собою вся тогдашняя медицинская разноликая теория и, разумеется, почти повседневная практика в этом деле.

Вся врачебная терминология в ней по-прежнему базировалась исключительно на латинском и древнегреческом языках, как ни очищали ее от древнегреческого влияния разного рода реформаторы, начиная еще с досточтимых Галена и Эразистрата, между прочим, – тоже, вроде бы, природных греков.

Что же касается латинского языка, то уже даже всем тогдашним медицинским «студиярусам», то есть, учащимся

разных медицинских (лекарских) школ, – а также на всех медицинских факультетах, в любом европейском университете, – лекции студентам читались исключительно на латыни. В крайнем случае – на каком-то чересчур уж изысканном, каком-то кондовом, немецком языке.

Однако и он настолько густо испещрен был латинскими словами, и даже целыми старинными латинскими выражениями, почерпнутыми из разных замысловатых латинских пословиц, – что, порою, представлялось труднейшим делом хотя бы просто сообразить, какому же языку отдает предпочтение вошедший в раж вдохновенный господин лектор.

В России, правда, все это дело сводилось к обучению только в лекарских школах.

Всем желающим попасть в госпитальную, врачебную, школу предстояло сначала выдержать экзамены по этому – латинскому языку.

Поскольку же знающих его людей всегда набиралось на Руси, как правило, совсем немного, то заинтересованным в получении медицинской профессии рекомендовали сперва обратиться к учителям при академической гимназии в столичном императорском университете³.

А те, пользуясь выпавшим им, весьма подходящим случаем, старались всемерно поднимать и без того уже непомерно

---

³ Петербургский университет основан был еще Петром Великим. Если верить данному варианту его основания, то и само существование нынешнего Санкт-Петербургского университета насчитывает гораздо больше времени.

высокую цену.

Однако учиться у них все-таки можно было...

Спустя год, с аттестатами от дипломированных латинистов, – молодых людей довольно легко зачисляли в списки госпитальных учеников.

Зачисленных учеников лекарских школ сразу же поселяли в специальных помещениях, предназначенных только для них, притом – расположенных при этом рядом с каким-нибудь царским госпиталем.

Можно даже смело сказать, что все эти юноши незамедлительно переходили на полное государственное обеспечение. Обучение же их было, к тому же, довольно жестко и твердо скоординировано с работой в различных лечебных клиниках.

Кстати, там же им сразу обеспечивалось и полное пищевое довольствие.

Правда, единообразное обмундирование для них еще только-только начинало налаживаться, однако, пусть и постепенно, но тоже уже повсеместно начинало вводиться...

Нормы продуктов для учащихся лекарских почти в два с лишним раза превышали нормы питания для всех остальных больных, которые только лечились в царских госпиталях.

Кроме того, каждому воспитаннику, попавшему в списки петербургской лекарской школы, ежедневно полагалось по стакану водки и весьма по приличной мерке государева пи-
ва...

Так уж повелось издавна. Еще по строгому указанию самого царя.

Естественно, здесь мы имеем в виду, в первую голову, царя Петра Великого⁴.

Правда, впоследствии «водочный паек», как он именовался тогда, разрешили заменить соответствующим денежным эквивалентом. Это диктовалось тем, что, поскольку среди его ежедневных получателей отыскивалось немало совсем еще настоящих детей (при этом надо еще раз твердо заметить, что в лекарские школы принимали обычно юношей в возрасте не моложе пятнадцати лет).

К тому же – некоторые среди самих учащихся предпочитали получать лучше готовые деньги, чтобы можно покупать на них книги и прочие разные принадлежности для письма и своей дальнейшей учебы.

Кроме того, в госпитальных документах указанного периода очень часто встречаются упоминания о чересчур буйном поведении некоторых подвыпивших воспитанников лекарских школ.

Таких озорников, невзирая на малость их собственных лет, не останавливали ни строгие правила внедренной там уже дисциплины, ни телесные наказания, ни даже угроза незамедлительного исключения их из утвержденных уже на-

---

⁴ Мы здесь несколько не забываем, что после прочитанных им заметок на страницах иностранных газет, после упоминаний о его почти повседневном пьянстве, он оставлял свои замечания: «Не всегда! Врёшь, паршивец!»

чальством списков учащихся.

И все же, следует нам отметить, что программы подготовки будущих специалистов были весьма удачно сбалансированы, хоть и слишком ограничены в своих сроках.

Возможно, быстрота эта диктовалась очередной военной кампанией, очередным военным походом...

И все же, при всем, при этом, – все петербургские лекарские школы обеспечивали действительно хорошие результаты. Так что о них, о столичных, главным образом, петербургских лекарских школах, – вскоре заговорили не только во всей России, но даже и далеко за ее пределами.

* * *

А свидетельством всему, сказанному нами чуть выше, может послужить хотя бы следующий неоспоримый факт, засвидетельствованный к тому же самой историей Санкт-Петербургских лекарских школ.

В 1750 году на берегах Невы появился некий молодой человек по имени и фамилии Иван Андреевич Полетика, только что возвратившийся из-за границы, где, говорили, в течение целых четырех лет он изучал уже медицину в Кильском университете (в Голштинии)⁵, однако почти навсегда остался недовольным тамошними своими наставниками. Были они

---

⁵ Кильский университет был основан еще в 1655 году.

какими-то слишком бездушными, даже чересчур занудными, что ли...

Он так и рассказывал всем – пожелавшим только послушать об этом, о своих тамошних, зарубежных наставниках.

А в Петербург его, дескать, призвали письма младшего брата Андрея, который служил в российской столице каким-то мелким чиновником, вроде бы даже переводчиком с немецкого языка... Как будто в этом, в столичном городе, в недостатке имелось природных немцев, явившихся непосредственно из самой Германии, в которой уже насчитывалось к тому времени немало своих безработных обывателей?

Исполнял же он эту, тоже довольно хлопотную должность, даже непонятно где: то ли в правительствующем Сенате, то ли в самом Святейшем Синоде. Да и стал он там весьма дельным переводчиком после окончания старинной Киевской академии, где сам обучался, как и его старший брат, под руководством тамошних просвещенных слишком мужей.

Чтобы не прослыть голословным, нам даже посчастливилось привести примеры таких удивительных наставников его и его родного брата. Именно таковым почитался профессор Киевской академии – Георгий Осипович Конисский... Он был наставником и авторитетным учителем не только для них, но еще даже их почтенного отца...

И вот (удивительное дело!) – приехавший из заморской академии этот молодец, прошел такой, было, слух, подал прошение о зачислении его непременно в лекарскую школу

при Генеральном сухопутном госпитале!

А было в те поры самому указанному достопочтенному господину Полетике целых двадцать восемь лет. По правилам, господствовавшим в то, достаточно лихое время, ему пора уже было обзаводиться своими наследниками, всеми силами заботиться об их дальнейшем образовании и соответствующем для них воспитании, что ли...

Происходил же он сам из старинного казацкого рода, и до поездки за границу успел также окончить Киевскую академию, где, на протяжении долгих девяти, а то и даже целых двенадцати лет, выпало ему изучать древние и новые языки, где слушал он тоже лекции тех же выдающихся ученых мужей.

В конце 1750 года просьба Ивана Полетики была полностью удовлетворена. Его зачислили «своекоштным» студентом (с предоставлением, правда, казенной квартиры).

А учителями его в Петербурге стали прославленный доктор медицины и профессор Иоганн Фридрих Шрейбер, доктор Густав Угенбауэр, оператор (то есть хирург) Кристиан Меллен и другие, тоже не менее строгие лекарские наставники.

Фигура Ивана Полетики заслуживает более пристального к себе внимания. Человек, как уже нам всем понятно, весьма и весьма просвещенный⁶, к тому же многое повидавший на

---

⁶ Современные наши ученые даже слишком подозревают, что именно его брат Андрей, вместе с общим для них отцом, является автором столь нашумевшей

своем веку, – он имел все основания сопоставить различные системы обучения, в данном случае – чисто российскую и заграничную, в более конкретном примере – даже исключительно хваленую голштинскую.

И в результате – выбрал все-таки Санкт-Петербург.

Правда, в конце концов, Иван Полетика не завершил своего образования и в русской столице.

Но здесь уже, надо полагать, причиной всего этого стало совершенно иное обстоятельство: он почувствовал себя настоящей белой вороной среди однообразной массы зеленых юношей-однокашников, не имеющих присущего одному ему весьма обширного научного опыта и багажа.

Полетика снова оказался за границей, в том же городе Киле, где, после учебы в Санкт-Петербурге, ощутил себя уже куда намного уверенней во всем своем поведении.

Вскоре, уже в 1754 году, он защитил в Лейдене свою собственную докторскую диссертацию *De morbis haeraeditariis*, трактующую всецело о наследственных болезнях, обнаружив при этом такие основательные медицинские познания и такие личные выдающиеся способности, что Кильская

впоследствии «Истории русов», оставившей неизгладимое впечатление на многих, весьма просвещенных даже умах. Скажем, эта книга сильно подействовала на ум А. С. Пушкина. Ею всемерно восхищались Н. В. Гоголь, Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш и прочие, прочие деятели украинской и русской культуры... Впрочем, Шевченко впоследствии полагал (с подачи самих авторов *Истории русов*), что книга эта написана именно рукою Георгия Осиповича Ко-
нисского.

Академия Наук единодушно избрала его своим новым ученым-профессором.

Это было воистину уже нечто, неслыханное дотоле!

Врач Иван Андреевич Полетика стал первым профессором, выходцем из России, из лекарских школ Санкт-Петербурга, удостоенным такой, столь высокой должности за пределами России!

Кстати, решение германских медицинских светил утверждено было всесильным, как тогда полагали, властелином Голштинии, будущим русским императором Петром III⁷.

В 1756 году Полетика попросился в Голштинию в весьма продолжительную отставку, именуемую коротким русским словом «абшит⁸», и снова возвратился в Санкт-Петербург.

* * *

А в Петербурге, тем временем, сложился уже следующий, непреложный даже порядок: всех воспитанников госпитальных школ, после завершения ими учебного курса в какой-нибудь чужой, зарубежной академии или университете, – назначали впредь подлекарями или даже лекарями в

---

⁷ На русский престол он был досрочно вызван своей родной тетей, русской императрицей Елизаветой Петровной, такой же дочерью императора Петра Великого, как и ее сестра Анна, выданная замуж за весьма незначительного во всей европейской политике наследника голштинского престола.

⁸ Испорченное немецкое от *der Abschied*, что в переводе на русский язык означает – увольнение, отставка, в некоторых случаях – даже отпуск.

действующие армейские полки либо же оставляли их при самой лекарской школе. Для чтения лекций в ней самой...

Докторских диссертаций в нашем отечестве в то время еще не защищали, да и никто в России, вроде бы, не обладал такими значительными правами и полномочиями: присваивать кому-либо такое, высокое и столь ответственное лекарское звание.

Даже в Московском университете, кстати, где с 1755 года уже существовал специальный медицинский факультет, – на нечто подобное отважились только в 1791 году, после соответствующего внушения-указания самой императрицы Екатерины II.

* * *

Дипломированные «доктора» приезжали в Россию уже в настоящем, готовом виде.

Разумеется, многие зарубежные бездельники, безусловно и далеко наперед узнавали о чрезмерно высоких выгодах лекарского звания в России, потому-то и обзаводились поддельными документами, предназначенными для овладения совершенно новой для них медицинской (врачебной) профессией.

Среди них встречалось немало заведомых шарлатанов, хитрецов, только лишь выдававших себя за врачей... На самом же деле все они были на своей, прежней, родине все-

го лишь аптекарями, больничными кучерами, а то и... даже просто кузнецами-коновалами.

По такому случаю – все они подвергались в России новому, самому беспристрастному экзамену со стороны знающих свое медицинское дело, весьма строгих, однако же, настоящих медицинских профессоров.

Что касается петербургской действительности, то вся история местной медицины, петербургской в особенности, уже неоднократно подвергалась такому отчаянному искушению со стороны какого-то плохо подготовленного зарубежья. Ей не впервой было разоблачать тамошних недотёп и разного рода зарубежных неучей...

Что же, попросту говоря, – Медицинская канцелярия просто вынуждена была предпринимать против подобных ловкачей самые решительные, самые строгие контрмеры.

Все чужеземные врачи, пожелавшие заниматься лечебной практикой на территории довольно обширной Российской империи, обязаны были сдавать специально для этого случая припасенный новый, форменный экзамен⁹.

Именно такой экзамен предстояло выдержать и доктору Ивану Андреевичу Полетике.

И все же для него было сделано некое, даже весьма значительное – исключение-послабление.

---

⁹ В этом, безусловно, сказывался многовековой опыт стран Западной Европы, о чем уже говорилось нами, по крайней мере, – во второй книге всего нашего нынешнего издания.

Во-первых, в Петербурге прекрасно помнили незаурядные успехи его самого во время совсем недавней учебы в Генеральном сухопутном госпитале. Он был, к тому же, явным своим соотечественником, а вдобавок – привез из-за рубежа массу лестных для себя и весьма авторитетных аттестаций.

Лейденских профессоров в России помнили и знали. Собственно, они и гремели в те поры на всю, почитай, Европу...

Особенно знали и помнили ее и ценили очень искусных специалистов...

11 сентября 1756 года Иван Андреевич Полетика был признан «доктором и профессором» всего лишь после достаточно формального разговора в Медицинской канцелярии.

Правда, в присутствии самого ее Президента – Павла Захаровича Кондоиди, между прочим – тоже весьма природного грека, хоть и рожденного, правда, уже где-то на итальянском острове Корфу. Этот остров довольно хорошо был известен русским людям, особенно же – российским морякам, которые не раз уже выступали на защиту его своеобразных, каких-то отчаянно каменистых земель...

Что же, Иван Андреевич Полетика вынужден был написать на приютившую наскоро родину, то есть в Голштинию, особое письмо. Он, дескать, отказывается от своего, столь лестного для него самого профессорства в чужой земле. Отказывается в пользу ставшего для него родным отныне – другого столичного города, именно – Санкт-Петербурга...

Какое-то время спустя Полетику назначили даже глав-

ным врачом Петербургского Генерального сухопутного госпиталя, однако продержался он в этой, совершенно новой и неподходящей для него несколько должности — совсем недолго.

Доктора Полетику отличала чрезмерная горячность, воистину — какая-то гордая казацкая неподкупность.

Ему самому, во что бы то ни стало, хотелось как можно скорее искоренить порядки, уже прочно установленные заезжими немецкими специалистами. Кроме того, у него возникла слишком затяжная ссора со своим земляком, таким же, как и он, упрямым — Степаном Осиповичем Венченецким...

После неоднократных стычек с ними, с немецкими профессорами, раздраженный к тому же вечными попреками Степана Венченецкого, Иван Андреевич все же вынужден был подать заявление, причем — совершенно неожиданно для него самого, в отставку. Отныне он стал обычным сотрудником своего госпиталя, его рядовым врачом, хоть и с высоким званием профессора.

О стараниях этого замечательного человека — еще очень долго напоминал весьма обширный, почти каждой весной зеленеющий пышно сад, по его настоятельным требованиям и при его непосредственном, даже личном, участии — заложенный на территории санкт-петербургского сухопутного госпиталя.

Кстати, ему долго не давала какая-то мучительная идея

заложить точно такой же сад, какой ему приходилось видеть в родных для него, украинских местах. Особенно – в ставшем для него таком знакомом и близком городе Киеве...

А еще – остались очень удобные помещения для больных. Правда, все они были сплошь деревянными, поэтому очень скоро их заменили совершенно иными – уже сплошь каменными.

Сам же Иван Полетика как-то вскорости уехал снова на свою родину, на дорогу ему Украину. Впоследствии он служил в Васильковском карантинном госпитале, неподалеку от города Киева.

Он исполнял там рутинную врачебную службу, о «преlestях» которой нами уже говорилось в предыдущих томах данного издания «Занимательной медицины». Однако и там он внес, тем не менее, весьма значительный вклад в отечественную науку, в частности – уже как весьма опытный врач-инфекционист.

Именно там и встречались с ним его бывшие ученики, а и просто – внимательные его последователи, о чем еще будет сказано нами в рамках этой же книги.

Правда, и там постарались его «съесть» вездесущие недоброжелатели, всячески тормозившие поступательный, дальнейший ход развития русской медицинской науки.

Да и не только ее.

От них он вынужден был отчаянно защищаться.

Особенно усердствовал некий его начальник, тоже немец.

До нас дошла даже его фамилия – господин Иоганн фон Лерхе¹⁰.

Отличительной особенностью его, этого немца фон Лерхе, было то, что он как-то слишком уж, просто отчаянно, ненавидел всех русских, а Ивана Полетику – особенно, как по-настоящему правдивого человека, к тому же – ученого за границей русского медика...

Ради собственного оправдания Иван Андреевич Полетика вынужден был приезжать даже в столичный Санкт-Петербург, где сумел все-таки доказать свою абсолютную невиновность.

В результате чего, сама императрица Екатерина II подтвердила его добропорядочность и повелела возместить ему все денежные личные затраты и прочие материальные протопри за счет выплат из русской государственной казны.

* * *

Потребности в медицинских кадрах в России по-прежнему все возрастали, и если проблемы простого народа не требовали каких-либо срочных мер, – то ничего подобного нельзя было сказать о быстро растущей русской армии.

Необходимо было срочно и неустанно увеличивать количество учеников при генеральных госпиталях, число кото-

---

¹⁰ Впоследствии потомки его получили даже право вписаться в сословие потомственных русских дворян.

рых и без того уже возросло до целых пяти десятков.

Но увеличивать число врачебных кадров еще и в дальнейшем – за счет кого именно?

Лекарская профессия сулила верный достаток и постоянный «хлеб». Она становилась весьма популярной, однако – где же было набрать подходящей для этого случая молодежи, притом – с необходимой уже подготовкой, да еще и со знанием какого-то древнего латинского языка?

Пришлось обращаться за помощью к Святейшему Синоду.

В стенах Киевской академии, а прежде всего – в московских духовных школах, в разных там семинариях на территории всей Российской империи, а также непосредственно на просторах Украины¹¹, в коллегиях, которыми тоже всецело ведал Синод, – насчитывалось немало молодежи, которая достаточно хорошо владела каким-то особым латинским языком.

Не исключено также, что и среди учеников Славяно-греко-латинской академии, которая была основана еще повеле-

---

¹¹ В добрые старые времена даже существовало весьма достоверное поверье, будто бы, подражая польским магнатам, украинская молодежь даже переиначивала украинские народные песни, распевая их на чисто латинский лад. Примером такого преобразования может служить украинская народная песня *Дрібен дощик іде*, которую распевали также на латинский лад, делая из нее какой-то уж очень двусмысленный волапюк, прямую находку для немецкого священника господина Иоганна Мартина Шлейера, основателя этого нового языка, приобретшего для себя нарочитое даже прозвание – *эсперанто*. Впрочем, он, этот новый язык, так и не прижился на Руси, да и в других, соседствующих с ней странах...

нием достаточно молодого царя Алексея Михайловича, а, если точнее сказать, – так под крылом Симеона Полоцкого, выпускника все той же старинной Киевской академии и другого, уже истинно русского ученого мужа Сильвестра (Медведева), – тоже находилось немало охотников овладеть совершенно новой для них, зато весьма перспективной медицинской наукой.

Всему этому способствовала также непосредственная медицинская практика, то есть, – прямой уход за больным человеком...

Как бы там ни было, однако приемные экзамены по этому, такому крайне необходимому предмету, проводимые в госпитальных школах, – оказались для этого крыла молодежи – совсем уж несложными, даже – легко преодолимыми.

Охотников же получить лекарское звание в указанных учебных заведениях тоже набиралось в весьма приличном достатке.

Но...

Надо было только лишь заручиться согласием, а то и письменным разрешением, лучше всего – скрепленным даже некоей, весьма заковыристой личной подписью, исходящей из глубинных недр все того же, всемогущего, в данной ситуации, Святейшего Синода.

Синод же довольно легко пошел навстречу устремлениям своего правительства.

Уже ближайший, 1754 год, характеризовался значитель-

ным наплывом новых учеников, особенно же – из старинного Киева, из его академии.

А летом 1757, когда Синод разрешил отпускать в госпитальные школы также юношей из черниговских, переяславльских и прочих семинарий, – число подобного рода волосатых, каких-то прыщавых юношей, в присущей им длиннополой одежде (в так называемых украинских *свитках*) на берегах Невы, – резко начало увеличиваться.

Будучи проинформированной ректором Киевской академии, что семинаристы, в большинстве своем, являются выходцами из крайне малоимущих семей, что они-де сами не располагают какими-то, чересчур обильными материальными средствами для проезда в столицу российской империи...

В таком, можно сказать, исключительном случае, Медицинская канцелярия объявила о своей готовности выплачивать дорожную «компенсацию» каждому своему воспитаннику, – в сумме десяти полновесных царских рублей.

То были в ту пору очень солидные деньги. Однако и их пришлось довольно вскоре увеличивать, даже – в трехкратном размере...

Как бы там ни было, однако все, пожелавшие учиться медицине, могли теперь запросто добираться до места своей постоянной учебы, хотя бы даже в самой столице российского государства. Пусть и за деньги, взятые у кого-нибудь взаймы, например – у своих же соседей, которые обитали за ближайшим от них же тыном.

Количество прибывающих провинциалов позволило не только с избытком заполнить все предусмотренные учебные места, но даже стали и набирать немало внештатных лекарственных учеников.

Последние, учащиеся таких же лекарственных школ, также пользовались весьма подходящими льготами при поступлении во врачебные школы. А если им все-таки недоставало собственных средств, то они могли пополнять свой бюджет, совмещая учебу с работой в столичных многочисленных клиниках, также соседствующих с ними, с госпиталями.

* * *

Можно смело сказать, что в списках лекарственных учеников преобладали тогда одни только украинские фамилии.

Для доказательства этого приведем вот еще хотя бы какой-нибудь пример.

Поиски кандидатов в лекарские ученики всецело входили тогда в обязанности официальных лиц, хотя бы каким-нибудь образом причастным к службе в лекарственных учреждениях. А уж тем более – это правило применительно было к врачам, работающим непосредственно в царских госпиталях.

Так вот, когда летом 1761 года Иван Андреевич Полетика отправился на Украину, пожалуй, еще в свой первый каникулярный отпуск, – то там ему довольно легко удалось «завербовать» свыше пяти десятков уже готовых к учебе юно-

шей!

Главным образом, разумеется, среди киевских длиннополых «спудеев»¹².

Последних, учеников тамошних, уже чисто киевских учебных заведений, насчитывалось свыше восьмисот человек, – так что даже указанные нами «потери» нисколько не могли отразиться на числе тех, кто среди них еще оставался доучиваться, твердо решив посвятить себя какой-нибудь иной человеческой деятельности.

Все вчерашние семинаристы, как и предполагалось, без труда становились учениками столичных госпитальных школ.

* * *

Однако же эта, совершенно новая профессия для них профессия, в конце концов, не каждому среди них приходилась по душе.

Не все среди принятых вновь лекарских учеников были способны и готовы к самоотверженному, упорному труду, к непрерывному штудированию громоздких «ученых» книг, напичканных к тому же какими-то сверх заумными знаниями.

Не все смирялись и с жесткими требованиями дисципли-

---

¹² Так в украинском народном говоре называли в то время учащихся Киевской академии, фактически – нынешних наших студентов (укр.).

ны, с которой никак нельзя было сравнивать ту, более или менее демократичную обстановку, которая обычно царила во всех духовных семинариях, и даже в московской Славяно-греко-латинской академии, да и в самой, наиболее прославленной среди них, – старинной Киевской...

Среди отобранных и уже зачисленных в лекарские школы новобранцев, к тому же, попадалось немало различного рода гуляк и выпивох, – несмотря на их еще довольно юный возраст.

Некоторых из них, уже явно неисправимых гуляк, все-таки приходилось изгонять из лекарских школ, однако значительное большинство их каким-то чудесным образом удавалось вразумить, перевоспитывать и обучить чему-то, в конечном итоге – довести до потребных кондиций и до соответствующих практических знаний и навыков.

Учеба же всех, остававшихся в лекарских школах, и впредь осуществлялась в соответствии с достаточно широкими программами.

В весьма сжатые сроки изучалась «сухая анатомия» человека, то есть, – ее сугубо теоретическая часть. Анатомию удавалось изучить на каких-то засаленных сильно рисунках и таблицах¹³, на щелкающих своими мельчайшими костяшками самых разнообразных скелетах.

---

¹³ Из этого факта-примера отчетливо видно, что все преподаватели тогдашних петербургских лекарских школ строго помнили увещевания незабвенного Андреаса Везалия.

А за ней уже следовала и «мокрая анатомия», — тоже на сплошь осклизлых человеческих трупах, которые еще при жизни данных людей числились совершенно безродными или же какими-то абсолютно бездомными существами...

Изучались также физиология, а равно и патология, фармакология и, конечно же, мать, вернее — царица, всего тогдашнего медицинского знания — госпожа хирургия.

Лекции, как не раз уже отмечалось, читались если не на чистом латинском, то на строгом немецком языке. Поскольку большую часть преподавателей, особенно же — в столичных лекарских школах, по-прежнему составляли собою природные немцы, наводняющие тогда, почитай, всю Россию.

В первую очередь это касалось ее главного, столичного города, — многолюдного Санкт-Петербурга, как и прежде, поражавшего своей невероятной, просто какой-то непостижимой — веротерпимостью... Тем более, что и на императорском троне вскоре оказалась природная чистая немка...

Конечно, остальные природные немцы вызывали одни лишь насмешки среди разноликой массы учащихся из простонародья, стоило только им, преподавателям, предпринять хоть какую-нибудь, даже крошечную попытку перейти на кондовый русский язык...

В те годы не за одним чужеземным профессором водились всяческие, более или менее пространные анекдоты, посвященные уже одним их подобным усилиям.

Однако у каждого из профессорского состава, как пра-

вило, имелся свой штатный помощник, называемый всеми прочими лекарскими учениками – его благородием и господином адъюнктом.

Это был человек – довольно еще молодой, говорящий обыкновенно на русском языке, с которым ученики могли заново и более детально не раз и не два еще проштудировать все, поведенное накануне самим господином профессором. И только затем уже все, накануне изученное «всухую», – подтверждалось их собственными наблюдениями над живой человеческой натурой...

Госпитальное начальство тоже, как правило, постоянно заботилось о том, чтобы в библиотеке, которая постепенно становилась неременной частью любой лекарской или даже подлекарской школы, – набиралось в достатке необходимых учебников и прочих учебных пособий: рисунков, муляжей и всякого иного подсобного материала, такого необходимого для более подробного усвоения хотя бы азов анатомии.

Ученики же, освобожденные от всяческих житейских забот, могли уже полностью сосредоточиться теперь на изучении таких потребных и нужных им медицинских дисциплин и самых разнообразных предметов, как правило, – такого же, чисто медицинского пошиба.

Глава II. Очень необходимые правительственные указы и разного рода распоряжения

1761 год ознаменовался тем, что в нем, аккурат точно весною, почти уже на самом излете всего царствования императрицы Елизаветы Петровны, были обнародованы указы, в

силу которых всем учащимся, окончившим когда-либо лекарские школы, – разрешалось продолжать свое дальнейшее образование за рубежами российской родины, то есть, – уже за ее государственными границами.

Лучшие среди выпускников отправлялись туда на казенный счет, но, при желании и более или менее подходящей материальной возможности, этим правом могли воспользоваться также и так называемые своекоштные, то есть, те у кого имелось достаточно своих, собственных средств.

Обнародованные указы оказались последними добрыми делами, воплощенными в жизнь энергией Президента всей Медицинской канцелярии Павла Захаровича Кондоиди, который очень заботился о развитии всей отечественной медицины.

К сожалению, сам Павел Захарович так и не дожил даже до всенародного опубликования этих важнейших правительственных документов...

Он умер 30 августа 1760 года, будучи всего лишь пятидесятилетним.

Зато мы располагаем теперь самой широкой возможностью назвать имена первых девяти молодых людей, которые получили свои дипломы в петербургских лекарских школах и в том же, 1761 году, были отправлены для продолжения своей дальнейшей учебы в зарубежном Лейдене.

Вот их имена и фамилии:

Петр Погорецкий,
Иосиф Тимковский,
Фома Тихорский,
Касьян Ягельский,
Митрофанов Сила,
Матвей Крутель,
Алексей Сидорович,
Иван Ласкевич,
Иван Пешковский.

Еще трое, таких же новоиспеченных петербургских лекарей, отправились в том же году, однако – в еще более отдаленный от Санкт-Петербурга город Страсбург.

Это были —

Григорий Соболевский,
Савва Леонтович
и Кузьма Рожалин.

Уже один беглый взгляд на все перечисленные здесь фамилии убеждает нас, что они могли принадлежать уроженцам самых крайних, южных пределов Российской империи, и, стало быть, – тоже каким-нибудь образом непосредственно связаны были со старинной Киевской академией.

Это было действительно так, и число подобного рода молодых людей, которые отправлялись далеко за границу, с каждым годом нисколько не уменьшалось, а только лишь

возрастало, причем – постоянно.

Почти все, направляемые за границу русские лекари, добивались там великолепных успехов, успевали получить столь желанную им докторскую степень, и нам небезынтересно будет теперь проследить судьбу хотя бы кого-нибудь из этих посланцев русской науки, которые не ударили в грязь лицом и за рубежами нашей родины. Наоборот, они и там прославляли ее всемерно...

Упомянутый нами Погорецкий Петр Иванович, был сыном священника из села Чернорудки Хвостовского повета, расположенного где-то, почти что на самой тогдашней польской границе.

Он родился еще в 1734 году, а умер – тоже довольно рано, в самом начале 1780. Сначала учился в Киевской академии, куда пришел поступать всего лишь неполным пятнадцатилетним, то есть, – неполным от роду подростком, попросту приписавшим себе несколько недостающих лет.

Затем, после восьмилетнего обучения в Киеве, появился он и в столичном городе Санкт-Петербурге.

30 сентября 1757 года он был произведен в подлекари, а через год – и в настоящие полковые лекари.

Свой лекарский диплом, полученный им в Генеральном сухопутном госпитале, подтвердил он в далеком зарубежном городе Лейдене, но уже – в виде полноценной докторской диссертации. Получал он в это время двойной оклад, однако с тем неременным условием, что обязательно вынужден

был доносить о своих успехах. До нас дошли даже глухие сведения, что он выслушивал курсы у тамошних учителей, а именно – курс физиологии – у Альбина старшего, курс химии – у Габия, курс патологии – у фон Роэна. Называются также прочие преподаватели, перечислять которых мы здесь не станем.

Диссертация же его называлась *De semimetallo Nickel* (О полуметалле никеле), в которой он показывал, каким именно способом этот полуметалл влияет уже на весь человеческий организм...

А, по возвращении из-за границы, он с тем же успехом, подтвердил свою квалификацию в петербургской Медицинской канцелярии. После всего, уже сказанного нами, на протяжении многих лет преподавал фармакологию в Московском госпитале, пока не был переведен обратно в Санкт-Петербург, где преподавал ту же самую дисциплину в обоих главных петербургских госпиталях, точнее – в лекарских школах при них.

*Curriculum vitae*¹⁴ доктора Погорецкого почти полностью повторил и казачий сын Фома Трофимович Тихорский, которому выпал какой-то подлинный мафусаилов век: он прожил на свете целых сто лет, также ведя при этом занятия попеременно в обоих главных госпиталях города Санкт-Петербурга. При этом стоит заметить, что диссертация его называ-

---

¹⁴ Жизнеописание (лат); что в переводе на русский язык означает буквально: «бег жизни».

лась *De vera sive proxima causapodagrae* (О причинах истинной подагры).

Весьма схожей получилась биография и у Саввы Алексеевича Леонтовича, который, правда, происходил из старинного мещанского рода.

Окрыленный своим неожиданным успехом в далеком Страсбурге, он и в дальнейшем читал свои лекции в Петербургском Генеральном адмиралтейском госпитале...

Григорий Федорович Соболевский, наоборот, был уроженцем города Глухова. После окончания петербургской госпитальной школы продолжил обучение уже во французской столице – в городе Париже, а диссертацию свою защитил тоже в университетском городе Лейдене.

Впоследствии он стал известным русским ботаником, и эту науку с успехом преподавал в столичных госпитальных школах.

* * *

В 1764 году грянули давно уже ожидаемые перемены. Только что созданной Медицинской коллегии, совсем лишь недавно, где-то в 1763 году заменившей собою Медицинскую канцелярию, разрешено было присваивать докторские степени уже непосредственно в самом Петербурге.

Правда, сама эта комиссия, на протяжении довольно длительного времени, тоже состояла из одних чужестранцев,

главным образом, — из весьма дотошных посланцев Пруссского королевства.

А они не желали видеть рядом с собою серьезных российских конкурентов, — потому-то и всячески препятствовали русским диссертантам при подготовке ими необходимых материалов, а также — соответствующих документов.

Они, пруссаки-немцы, устраивали настоящую волокиту с процессом защиты русскими докторами своих подлинных диссертаций.

Первым, кто одолел это могучее административное сопротивление, не выезжая за пределы русской столицы, оказался Густав Ореус, российский подданный, а по национальности — природный финн.

Правда, и он свой докторский экзамен сдал еще в 1765 году, защитил и свою докторскую диссертацию, а соответствующий диплом на практическое лечение в пределах России — получил только в 1768...

Но это — лишь к слову.

* * *

Реформы — продолжались и дальше.

Уже в 1786 году лекарские школы были полностью отделены от госпиталей. Они радикально преобразовывались в медико-хирургические учебные заведения (сказалось, по всей вероятности, также влияние и в этом процессе всей Запад-

ной Европы, где, как помним, хирурги тоже нередко устраивали даже настоящие, притом – слишком погромные «бунты»).

Внешне, правда, при этом, вроде бы, нисколько ничего не переменялось. Учебные заведения оставались в своих прежних стенах, однако обретали уже более или менее какую-то независимость, становились вроде бы совершенно самоуправляемыми, какими-то более автономными...

В Санкт-петербургских медико-хирургических училищах работало много выпускников прежних лекарских школ, ставших теперь солидными, даже довольно важными господами профессорами.

Среди них можно назвать Никона Карпинского, Мартина Тереховского, уже упомянутого нами Ивана Соболевского, а еще – Якова Саполовича и Петра Загорского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.